

ПУШКИН НЕ ВЕРИЛ В БОГА

Быть атеистом в наши дни – всё равно, что в СССР быть верующим. А быть верующим в наши дни – всё равно, что в СССР быть атеистом
Наталья Гирская

В январе 2014 года на ряде сайтов в интернете была опубликована статья «Пушкин, Омар Хайам, Хафиз и Февральская революция». Статья коротенькая, с атеистическими стихами упомянутых поэтов. Авторы статьи не ожидали – грянул просто шквал поздравлений. Их было так много, что, например, Макспарк объявил статью итальянскую забастовку, если ранее редакция ресурса либерально относилась к публикациям одной и той же статьи в десятке сообществ в разные дни, то на сей раз она заблокировала аккаунт одного из авторов на месяц!

Оказывается – не только большевики сносили церкви, снести церковную школу, медресе, призывал и Омар Хайам! Это были замечательные комментарии, авторы чрезвычайно благодарны написавшим их. Но было 2-3 комментария... В одном из них даже утверждается, что ни Пушкин, ни Хайам не были атеистами. Ну, я уж не знаю, как тогда трактовать:

Пью вино, ибо скоро в могиле сгнию.
Пью вино, потому что не верю вранью
Ни о вечных мучениях в жизни загробной,
Ни о вечном блаженстве на травке в раю.

Леонид Трусей пишет:

«Б. Ихлов не очень вежливо отозвался о А.С. Пушкине. Хочу привести ему некоторые исторические данные о Пушкине, которые мало кто знает. В 1826 г. состоялась встреча Пушкина с Российским Императором Николаем I (Пушкина "доставили" к царю с Михайловского, где он отбывал ссылку по делу декабристов). Предположительно одним из вопросов беседы была и поэма Гавририада. Пушкин признал свое авторство и объяснил, что Библию можно трактовать и так (как в Гавририаде). Почему он так считал? Библия была переведена с древне-арамейского языка на древне-греческий так называемым Александрийским стихом (безглагольная форма). При этом фактически было выхолощено учение Христа. Поэтому Пушкин сравнил Библию с Гавририадой. Почему так считают некоторые исследователи Пушкина? 1. В Михайловском в ссылке Пушкин изучал правление Императора Древней Греции при котором его хранитель библиотеки и перевел Библию. 2. Царь Николай I (кстати, большой умница) запретил перевод Библии на русский язык. Впервые на русском языке Библия появилась лишь в 1877 году (вспомните, что крещение Руси состоялось в 988 году и христианство в виде православия пришло к нам из Византии). 3. Вдумайтесь в стихотворение Пушкина Пророк. При необходимости я могу рассказать свою (и не только) версию двойного смыслового ряда этого стихотворения. 4. А.С. Пушкин - это великий пророк. Достаточно привести его две пророческие поэмы: Домик в Коломне и Руслан и Людмила. Не все знают, что понимается в двойном смысловом ряду.»

Оставим «Руслана и Людмилу» и «Домик в Коломне», пусть Леонид Трусей блаженствует в лучах своей версии. Но, во-первых, ни Елена Куклина, ни я в нашей статье вовсе не оскорбляли Пушкина, и в мыслях этого не было, в статье – ни словечка вообще о нашем отношении к поэту. Наоборот, говоря о Пушкине как об атеисте, мы выражаем в том глубокое уважение к нему!

Во-вторых – «Гавририада», оказывается, согласно Трусей, просто сравнение с плохим первоисточником... То есть, Пушкин пародировал версию о непорочном зачатии, так? И причем тут учение Христа? Всё действие – до того, как Мария родила. Как можно сравнивать всё то, что натолкано в Библии – с коротенькой поэмой в одно действие?? Т.е. всего лишь с сюжетом а Благовещении? Или Пушкин, подсовывая царю такую версию, полагал того кретином?

Кстати, хотите прочитать «Гавририаду»? Вот что сообщает самая первая ссылка в гугле: ресурс по данному IP-адресу заблокирован по решению органов государственной власти

Добавим: по решению органов коррумпированной государственной власти...

Перемена убеждений, заметил Мюллер Айсману, дурно пахнет, и вот уже член КПСС, атеист В. В. Путин истоиво крестится у могил погибших блокадников, а те, атеисты, пропеллером в гробу вертятся...

Сравнение, говорите. Ну-ну. Оказывается, в переводе с древне-арамейского на древнегреческий дева Мария выглядит следующим образом:

... Усталая Мария
Подумала: "Вот шалости какие!
Один, два, три! - как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу".

Ничего себе – пародия... Тут еще момент: Пушкин столь часто поминает, что дева Мария – еврейка....

Эпатова Нинель на сайте «проза.ру» не стала ничего выкомаривать, человек прямой, она четко обозначила «Гавриладиу» как надругательство над ее тонкой душой:

«Когда я начала читать поэму "Гаврилада" моему недоумению и возмущению не было конца. Случилось так, что "Гавриладиу", мне до сих пор читать не приходилось, то ли не было её в нашей домашней библиотеке, то ли по другим причинам, но она встретилась на моём пути в достаточно зрелом возрасте. Поэтому впечатление от прочитанного в возрасте "мудрости", опыта и знания, было потрясающим. Произведение было не просто атеистическим, порнографическим: кощунственным, издевающимся над самыми святыми канонами христианской и русской православной церкви. Каждому дана свобода выбирать быть верующим или атеистом, но кощунствовать, попирать, оскорблять никому не должно позволяться.

Мне пришлось прочитать тысячи страниц книг о Пушкине, которые мне иногда с трудом удавалось достать, особенно издания прошлого века. Но мои старания не пропали даром. И теперь я смею утверждать, что Пушкин "Гавриладиу" не писал. Утверждать обратное - оскорблять память Пушкина и саму Россию. Кроме того это махровое нарушение прав поэта - издавать произведение от которого Пушкин при жизни решительно отказывался.»

Далее не приводится ни единого оказательства, что Пушкин не признавал за собой авторство, ни черта не приведено...

Пушкин отвечает госпоже Нинели Эпатовой: «Эти господа критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным... Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины... Безнравственное сочинение, — писал Пушкин, — есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастье или достоинство человеческое... Но шутка, вдохновенная сердечною веселостью и минутною игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие» (Сочинения, том 6, ГИХЛ, Москва 1936 г., стр. 111—112.)

Без сокращений и пропусков это надругательство над чувствами верующих впервые было издано в России лишь в 1917 году. До этого поэма была запрещена. В музейных библиотеках она выдавалась "по особому разрешению", с момента сочинения известна только узкому кругу.

10 декабря 1822 года Вяземский послал Тургеневу отрывок из «Гавриладиы»: «Пушкин прислал мне одну свою прекрасную шалость».

Когда началась катастрофа, русскую литературу принялись подделывать под антибольшевизм и религиозность. Как заметила в то время Юнна Мориц: «Лежит милая в гробу, я пристроился – гробу, нравится, не нравится – терпи, моя красавица.»

Но уже философы Соловьев и Булгаков включились в общую массу переделывателей Пушкина, которые стремились подогнать гения под христианство. Соловьева с Булгаковым основательно потрепал Владислав Ходасевич. Отнюдь не большевик, скорее, наоборот.

«Веронез, - пишет Ходасевич в 1917 году, - вероятно, считал себя католиком; Пушкин, когда писал "Гавриладиу", не веровал вовсе... Персонажи Веронеза безмолвны и недвижимы; но если бы они ожили и заговорили, то, вероятно, их слова и поступки почти так же мало соответствовали бы евангельскому тексту, как слова и поступки героев "Гавриладиы".

Пушкин в 1822 году и раньше того был неверующим, а несколько позже прямо причислял себя к "афеям" (атеистам, Б. И.). Однако из всех оттенков его атеизма тот, который проявился в "Гавриладие", - самый слабый и безопасный по существу, хотя, конечно, самый резкий по форме

Из лицейских стихов Пушкина во многих, посвященных вину и любви, чаще всего под конец, как изящная виньетка, является смерть. По существу эти стихи опасней "Гавриладиы": нужно было подлинное "безверие", чтобы написать их; в них есть сознательный вызов, - хотя бы, например, в стихотворении "Кривцову":

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.»

Можно добавить еще стихотворение «Городок» 1815 года:

Но, боже, виноват,
Я каюсь пред тобой.
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,

И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю.

Гаврилиаду Пушкин писал в 22 года. В 27 лет он написал похлеще –
Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

В 1828 году по доносу дворовых отставного штабс-капитана Митькова, имевшего у себя список «Гаврилиады», митрополит Серафим (Глаголевский) довел до сведения правительства о существовании поэмы. После этого началось дело по распоряжению Николая I. В 1827 году уже проводилось одно расследование по поводу стихов Пушкина, Пушкин был оставлен под полицейским надзором.

Пушкина вызвали и допрашивали о «Гаврилиаде» во Временной верховной комиссии, действовавшей как исполнительный орган на период отсутствия Николая (который был на войне с Турцией). Пушкин тогда писал: «Снова тучи надо мною собралися в тишине... Вы ль вздохнете обо мне, если буду я повешен?»

На допросе Пушкин поначалу отрёкся от авторства, приписал его покойному к тому времени Д. П. Горчакову. После новых допросов написал письмо Николаю I. Письмо не сохранилось, но в 1951 году найдена его копия (относительно ее подлинности ведутся споры), в ней Пушкин признается в авторстве и раскаивается, всё так же датируя поэму 1817 годом:

«Будучи вопрошаем Правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, как и преступной. — Но теперь, вопрошаемый прямо от лица моего Государя, объявляю, что Гаврилиада сочинена мною в 1817 году. Повергая себя милосердию и великодушию царскому есмь Вашего Императорского Величества верноподданный Александр Пушкин. 2 октября 1828. С. Петербург.»

Скорее всего, Пушкин, действительно, признал авторство, т.к. следствие, начавшееся в июне, было прекращено 31 декабря того же года резолюцией Николая I: «Мне дело подробно известно и совершенно кончено».

Однако счёты свои с религией Пушкин на том не закончил. Он пишет В. Л. Давыдову:

Хочу сказать тебе два слова
Про Кишенев и про себя:
На этих днях тиран собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном, птички и Марии
Пошел христосоваться в рай.

Он ходит в церковь, молится, причащается, исповедуется и... пишет Давыдову:

Я стал умен и лицемерю:
Пошусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь — мои стихи.
Говеет Инзов, и наемни
Я променял Вольтера бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако гордый мой рассудок
Меня порядочно бранит,
А мой ненабожный желудок.
Причастья вовсе не варит.

Еще б, когда эвхаристия
Была бы, например, лафит
Иль кло д'вужо, тогда, ни слова,
И то подумать, так смешно, —
С водой молдавское вино.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане,
А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине —
Вот эвхаристия другая,
Когда и мы, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной мерзлой струей.
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали...
Народы тишины хотят,
И долго их ярём не треснет,
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся.
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу — Христос воскрес.

Пушкин и «Безверие» написал, где ругает неверующих... в 1817 году, по прямому приказу лицейского начальства - прочесть на выпускном экзамене оду, посвященную опровержению безверия, в наказание за его атеистические взгляды...

В 1826 году, через 5 лет после того как появилась «Гавриилиада», жандармский полковник Бибиков писал в донесении о влиянии Пушкина и его «Гавриилиады» на молодое поколение: «Воспитанные по большей части в идеях мятежных и сформировавшихся в принципах, противных религии, они представляют собою рассадник, который некогда может стать гибельным для отечества и для законной власти... Выиграли ли от того, что сослали Пушкина в Крым? Такие молодые люди, оказавшись к одиночеству, в пустыне, отлученные, так сказать, от всякого мыслящего общества, лишённые всех надежд на заре жизни, изливают желчь, вызываемую недовольством, в своих сочинениях, наводняют государство массою бунтовщических стихотворений, которые разносят пламя восстания во все состояния и нападают с опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии, — этой узды, необходимой для всех народов, а особенно для русских (см. «Гавриилиаду», соч. Пушкина)...»

В марте 1924 года в перехваченном жандармами письме Пушкин писал: «Читал Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю: пишу пестрые строки романтической поэмы и беру уроки чистого Атеизма. Здесь англичанин глухой философ, единственный умный Атей (атеист), которого я еще встретил. Он исписал листов тысячу, чтобы доказать невозможность бытия разумного существа, творца и вседержителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная».

В письме Чаадаеву 19 октября 1836 года он пишет: «Религия совершенно нужна нашим мыслям, нашим привычкам... Но об этом не следовало говорить»

Вот еще, к удовольствию читателей:

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес, моя Ревекка!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я, не робея,
Готов, еврейка, приступить -
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

А есть еще поэма «Монах» («Люблю тебя, о юбка дорогая...»), есть «Вакхическая песня» («Да здравствует разум!»), есть нозли с основательной хулой (Что, здесь ... Христос живет?а сам он не придет, От дев немного болен...»), есть эпиграммы на архимандрита Фотия («Полуфанатик, полуплут...»), есть «Птичка» (смысл – вот она, воля божья, в Пасху птиц из клеток выпускают, а человека бог держит на чужбине), «Десятая заповедь» («Как можно не любить любезных...»), «Послание цензору» («... цензор... сердцем почитать привык алтарь и трон...»), «Из письма к Вигелю» (бедный Ветхий Завет). Есть замечательно похабное «Румяной зарею покрывлся восток...» и специально для ханжей, по особому заказу - «Сорок дочерей».

Наконец, есть «Подражания Корану». В них тексты, довольно далекие от Корана, автобиографичные, но с восточным колоритом. Дело в том, что в те дни Пушкин собирал народные сказки, в том числе сказки восточные. Академические реакционеры тут же принялись городить огород про тренд Пушкина к монотеизму, а сам Пушкин в Примечании к «Подражаниям» поясняет: «Нечестивые, пишет Магомед (глава «Награды»), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен. Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо...»

Но как сам себя чувствовал поэт, которого нельзя упрекнуть в нефилософичности?

И тут начинают укатывать поэта в фаталисты. Конечно, фатализм, т.е. механицизм, отрицание случайности, объявление всего в мире закономерным – это идеализм, его недиалектическая форма, которая и поныне встречается у физиков, а то и у философов. Не говоря уже о религиозных «мыслителях», которым всё кажется, что в любом дуновении ветерка, в любом чихании – промысел божий.

Что ж, Пушкин веровал в судьбу? В неизбежность? Предчувствие, я бы так сказал. Не фатализм – предчувствие, как у ясновидящих. И никогда не выносил случайность за скобки (как это делал даже Гегель!):

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

В пяти строчках – всё мировоззрение Пушкина, весь его атеизм и материализм, вся его изумительная диалектика, как небо в чашечке цветка.

Однако хотелось бы вернуться к «неуважению», о котором писал Трусей. И одновременно – к сказкам, которые собирал Пушкин... Дело в том, что с таким же «неуважением» мы относимся и ко всему русскому народу, когда рассказываем детям русские народные сказки.

Несколько примеров бытовой сказки о священниках.

Жадный поп хочет, чтобы работник съел разом завтрак, обед, полдник и ужин, чтобы расхотеть еды меньше. Работник не прост и после ужина идет не в поле, а спать, на следующий день всё повторяется.

«Не прелюбодействуй», - говорит поп с амвона, но сам вместе с дьяконом и пономарем нарушает эту заповедь. Чтобы приманить жену мужика, выходит на двор и ржет по-жеребьячи. Муж научил жену, она позвала попа, мужик вернулся, а поп был вынужден залезть в сундук с сажей, который мужик продал барину за большие деньги, якобы там черт.

«Не лжесвидетельствуй», «не укради», «не убий» - все эти заповеди нарушает поп, захотевший убить своего батрака, но обманутый батраком, топит попадью.

В сказке «Как поп работников морил» священник упросил батрака совершить убийство человека и откупается от наказания деньгами, лжет на каждом шагу.

Сказочники настойчиво внушают своим слушателям, пишет В. П. Аникин («Русская народная сказка», М., «Просвещение», 1977) что поп – лицемер, ханжа, не верит ни во что, а его служба – способ обогащения. У старика со старухой был козел – единственное богатство. Нашел козел золотой клад, стали старик со старухой жить богато. Потом козел захворал и издох. Старик со старухой захотели устроить козлу пышные похороны, как людям. Пошел старик к попу. Блюститель веры, узнав, зачем тот пришел, осерчал, начал таскать старика за бороду по избе: «Ах, ты, окаянный, что задумал!» Но вот мужик помянул о завещанных козлом попу двухстах рублях. Поп оставил мужика, ткнул его пальцем в лоб: «Не потому я тебя за бороду таскал, что хочешь козла хоронить, а потому, что не дал мне знать о его кончине. Дьячок тоже сначала рассердился, но, получив деньги, говорит: «Надо было раньше сказать мне.» Кинулся на колокольню, принялся «валять во все колокола». Всех лицемернее – его преосвященство, архиерей. «Безбожники! - накинулся он на попа и мужика. – Как смели хоронить козла?» Но, получив тысячу рублей, архиерей говорит: «Эх, ты, глупый старик! Не за то я тебя сужу, что козла похоронил, а за то, что ты его заживо маслом не соборовал.»

В сказке «Отец Пахом» в одном приходе не было священника, миряне выбрали попом Пахома. Прихожане, как обезьяны, повторяют то, что делает Пахом, которому за голенище из кадила упал уголек. Вышел один мирянин, другой навстречу: «Отошла ли служба? – Нет, не отошла, топанье-то отошло, а теперь ляганье.» Сказка о Пахеме – одна из лучших, максимально обобщающая.

Лейтмотив сказок о духовенстве: нет разницы между светскими и церковными барями – ведь церковь и официально является крупнейшим землевладельцем. Но также лейтмотив - ненависть, великая ненависть. Она

ставится на последний план, затемняется юмором, но ее выдает исключительная порой жестокость наказания, которая – без сомнения - порождена исключительной жестокостью высшего сословия.

В свою очередь, церковь – вместе с властями, представляющими интересы бар - нещадно преследует сказителей, их разыскивают, ссылают, сажают в острог, казнят. Об этом свидетельствуют обвинительные материалы в судебных документах XVIII в. Церковь воюет и с остатками язычества – образами Деда Мороза и Снегурочки, домового, духов ветра, солнца, дождя, грома. В сказках языческие силы противостоят служителям культа, они – орудие наказания.

Например, в одной сказке поп наряжается чертом, надевает козлиную шкуру с рогами, приходит к мужику, который нашел клад, пугает его и отнимает клад. Но козлиная шкура прирастает к попу.

Но слабая концовка – редкость, в основном, в бытовых сказках народ наказывает священнослужителей своими руками. Так, в сказке о Шабарше вор Шабарша одевается в архиерейское платье, приходит к архиерею: «Я-де ангел божий. Велено-де тебя на небеса взять. – Разве-де я умолил? - Умолил-де, архиерей божий!» Завязал Шабарша архиерея в мешок и всячески наказал.

Не отстает от русского фольклор иных наций. Так, в латышском анекдоте католический пастор напился пьяный, упал в канаву. Идет мимо прихожанин, пастор оправдывается: «Лютеранские священники - богачи, плавают по морю. А я, бедный, в канаве.» Изумительны антиклерикальные татарские народные сказки, они обширно представлены в интернете.

Помимо стандартной темы старой социально-бытовой сказки, как мужик, солдат, батрак, ремесленник ставят в смешное положение, наказывают барина, барыню, царя, боярина и прочих высокопоставленных особ, в фольклоре присутствует **особая идея**. А именно: как мужик, солдат, дровосек побеждают лешего, черта, как они хитростью избегают ада (в татарских сказках абый, джигит, бабай побеждают шурале, лешего). Смысл таких сказок, как и сказок и мужике и священнослужителе – антиклерикальный. Герои не крестятся, не осеняют себя крестным знаменем и не взывают к всевышнему – они действуют сами, не передоверяя высшему существу (царю, президенту, генсеку, начальнику вообще) думать за себя; их яростное желание – думать собственной головой, поступать сообразно собственным мыслям и представлениям.

«Музыку, - говорил великий Глинка, - создает народ, мы, композиторы, лишь ее аранжируем.»

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Доказано, что эти строки принадлежат А. С Пушкину.

Борис Ихлов, 31.1.2014